

INSPIRIA

Кейси

Четыре удара смерти

Серия «Tok. Грани страха»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74710576
ISBN 978-5-04-257311-8

Аннотация

Идеально для любителей тру-крайм подкастов, а также триллеров Укэцу и Ли Тонгон.

Детективная история, построенная на полицейских отчетах и показаниях свидетелей.

Автор не запоминает имена, поэтому у героинь только номера квартир.

Шесть алиби. Один труп. Кто лжет?

Шесть квартир. Шесть женщин. Одно негласное правило: не совать нос в жизнь соседей. Здесь нет уединения. Нет безопасности. Нет выхода. Только страх, что в любой момент кто-то может войти в твою дверь и ты не успеешь даже закричать.

Когда на лестничной клетке женского этажа находят тело мужчины, под подозрения попадают все шесть женщин. У каждой безупречное алиби. И каждая готова солгать, чтобы защитить себя… или уничтожить соседку.

Перед вами полицейские отчеты. Изучайте допросы, сравнивайте показания всех свидетелей, их мотивы, поведение, а также внимательно ознакомьтесь с заключением главного следователя. Сможете ли вы понять, кто из них говорит правду, а кто лжет? И в чьей квартире прозвучит четыре стука?

Роман переведен с корейского языка.

«Истории шести женщин, отчаянно борющихся за выживание, и каскад неожиданных поворотов в финале романа искусно переплетаются с афоризмами, разбросанными по страницам книги. Именно поэтому "Постучи четыре раза" – это роман, который необходимо прочитать именно сейчас». – Чо Ёнджу, лауреат 12-й литературной премии «Мировая литература»

«Я случайно наткнулся на эту книгу в электронном формате и без колебаний сразу же заключил контракт на экранизацию. Не мог не восхититься мастерством автора, который спокойно выстраивает повествование, увлекательно переплетает истории персонажей и стремительно ведёт к финалу. Как читатель, которому посчастливилось прочитать "Постучи четыре раза" одним из первых, я искренне желаю, чтобы как можно больше людей разделили этот захватывающий трепет». – Чон Джонхун, генеральный директор кинокомпании «Crea Pictures»

Содержание

Часть первая. Предварительное расследование 7
[Отчет о предварительном расследовании] 7
[Протокол свидетельских показаний, кв. 301] 9
[Протокол свидетельских показаний, кв. 302] 14
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Кейси
Четыре удара смерти

Casey
FOUR KNOCKS
Copyright 2021 © by Casey
All rights reserved.
The Russian translation rights arranged through
Rightol Media (copyright@rightol.com)
The Russian translation rights arranged with INFLUENTIAL

Inc. through Rightol Media

© Финько Н., перевод на русский язык 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть первая. Предварительное расследование

[Отчет о предварительном расследовании]

Общие сведения

Дата и время: число ◦◦, месяц ◦◦, время 13:30

Место: район ◦◦, жилое здание ◦◦, лестница между 2-м и 3-м этажами

Заявитель: жилец кв. 306 (ФИО: ◦◦◦, пол: жен., возраст: 56 лет)

Обстоятельства происшествия

◦ Погибший – мужчина, состоявший в отношениях с жительницей кв. 303. В день происшествия вошел в пустующую кв. 303, находился там около двух часов, после чего был обнаружен лежащим без сознания на лестнице между 2-м и 3-м этажами данного здания.

◦ О мужчине без сознания и с сильно отекшим лицом сообщила управляющая зданием (жительница кв. 306). Результаты вскрытия: смерть в результате сужения дыхательных путей и удушья.

◦ Особые примечания: шесть месяцев назад оформлен до-

говор страхования жизни. В связи с серией недавних так называемых страховых убийств, совершенных в целях мошенничества, и по запросу страховой компании начато предварительное расследование.

◦ Инцидент произошел на женском этаже в жилом здании коридорного типа[1] (квартиры-студии). Допрос свидетелей проводится отделом по расследованию особо тяжких преступлений.

Ход расследования

◦ Проводится опрос шести жильцов 3-го этажа, проходящих по делу в качестве свидетелей.

Освещение в СМИ

◦ Отсутствует.

[1] Жилое здание коридорного типа – здание, в котором все квартиры этажа имеют выходы через общий коридор не менее чем на две лестницы. – *Прим. ред.*

[Протокол свидетельских показаний, кв. 301]

Дата и время записи: число ○○, месяц ○○, время 12:30

Место: комната для допросов

Свидетель: жилец кв. 301, ○○○

Допрос проводит: следователь отдела по расследованию особо тяжких преступлений

Формат: беседа один на один

Заключение уполномоченного следователя:

Женщина – довольно известная в округе шаманка. Оказывает содействие следствию. Проверка записей камер видеонаблюдения за последние три месяца не выявила следов ее входа в квартиру триста три. С целью расширения круга расследования был проведен допрос всех жильцов третьего этажа; существенных признаков причастности к преступлению не обнаружено. Свидетельница утверждает, что лишь слышала звуки, предположительно издаваемые погибшим. В целях более детального расследования добровольно согласилась дать показания. Полная аудиозапись допроса прилагается.

Содержание показаний

Вам когда-нибудь доводилось бывать в лесу?

Если зайти глубоко в чащу и поднять голову к небу, иногда можно увидеть удивительную картину: ветви растут,

оставляя вокруг себя свободное пространство, чтобы не касаться друг друга. И вы словно смотрите на огромное произведение искусства… поистине трепетное зрелище. Деревья строго разделяют свое личное пространство, будто по договоренности. Это может быть похоже на расколотое на куски небо или на обрывки листьев, рассыпанные по зеркальной глади озера, а иногда напоминает рябь на воде. В зависимости от того, с какой стороны посмотреть. Не знаю, благодаря какому механизму листья не касаются друг друга, но при виде этого я каждый раз замираю в упоении.

Дерево стремится вверх, чтобы получить больше солнечного света. Но если оно перекроет соседнее дерево и лишит его возможности для фотосинтеза, в итоге начнется война. Давным-давно деревья решили заключить договор. Решили жить в мире, уважая чужую территорию. Ведь только так они сами выживут, и только так растения внизу тоже смогут получать свет.

Деревья заключили честный договор, в котором никто не ущемлен, и закрепили его в своих генах. Эти гены передаются из поколения в поколение вплоть до наших дней, и этот мирный договор никогда не будет нарушен. С точки зрения эволюции мир, основанный на физической дистанции, стал наилучшим способом выживания.

Животные ведут себя агрессивно, защищая свою территорию; чем ближе они друг к другу, тем чаще рычат. С людьми то же самое. Стоит им сблизиться, как они перестают стес-

няться своих гадких желаний. Только соблюдая должную дистанцию, они держатся прилично и стараются не терять человеческий облик. Прямо как листья, которые сохраняют расстояние между собой.

Когда я только переехала в этот район, у меня создалось впечатление, будто я оказалась в глухом лесу. В широком смысле – на природе, но если точнее – в диких джунглях. Дикая среда, где люди живут, прижимаясь друг к другу в тесном пространстве, но выжить могут лишь в том случае, если каждый будет соблюдать границы своей территории и тянуться вверх.

Здесь тоже хрупко поддерживался этот стратегический договор природы: соглашение о том, чтобы быть рядом, но не соприкасаться, не вторгаться на чужую территорию; выживать, защищая себя и оставаясь безразличным к пространству другого. Однако везде найдутся особи, которые не признают границ и переходят их как вздумается.

Вначале это просто посягательство; следующий шаг – уже вторжение или проникновение. Если границу пересекает сразу масса особей – это война. Везде есть те, кто хочет нарушить закон. В природе есть и хищники, и жертвы. И люди, которые совершают убийство, прикрываясь словом «выживание».

Земля – основа леса. И она тоже обладает невидимой силой. Если на одном и том же месте без перерыва выращивать одну и ту же культуру, питательные вещества в почве исто-

щаются. Тогда используют удобрения, подмешивают землю из других мест или дают почве отдохнуть – так восстанавливают ее плодородие.

Плодородие этого района истощилось уже давно. Так получается, если люди одного уровня живут, сбившись в кучку, в тесном пространстве. Чтобы восстановить силы этой земли, сюда должны приходить «хорошие» люди, как удобрение; должно происходить социальное смешение, подобно смешению разных почв. И земле, и людям необходимо хотя бы минимальное пространство и время, чтобы отдохнуть. Но разве это может быть так просто, как нам хочется?

Удобрение здесь также означает и маленький успех. Добиваясь экономических или социальных успехов, люди не вносят этот «питательный элемент» обратно, а просто уезжают отсюда. Будь у меня самой возможность, я бы тоже уехала, так что винить в этом некого – хотя жаль, конечно. Думаю, вы, госпожа следователь, как женщина, хорошо понимаете, что это, мягко говоря, не самое подходящее место проживания для одинокой молодой девушки.

Что? Я тоже хочу спросить в ответ: почему вы разглядываете мою одежду и расспрашиваете о моей работе? Имейте в виду: я добросовестно сотрудничаю со следствием в качестве свидетеля. Если вы пытаетесь сделать выводы о моей профессии по короткому платью и медленной манере речи, то вы ошибаетесь. Я тоже могу спросить, каково это – быть такой «редкой птицей», женщиной-следователем? Чтобы вы

почувствовали то же самое. Вы задали этот вопрос, потому что приняли меня за девку из бара. Если вам нужна моя помощь, отбросьте предрассудки и проявите уважение.

Так что теперь с тем мужчиной?

[Протокол свидетельских показаний, кв. 302]

Дата и время записи: число ○○, месяц ○○, время 14:00

Место: комната для допросов

Свидетель: жилец кв. 302, ○○○

Допрос проводит: следователь отдела по расследованию особо тяжких преступлений

Формат: беседа один на один

Заключение уполномоченного следователя:

Житель квартиры триста два – девушка, дизайнер-фрилансер, работает из дома; в связи с тем, что проводит дома продолжительное время, располагает очень точной информацией о жильцах третьего этажа. На все вопросы отвечает подробно. Ведет ежедневные записи в дневнике, что придает ее показаниям высокую степень достоверности; полученные сведения подтверждены записями с камер видеонаблюдения. Полная запись допроса прилагается.

Содержание показаний

Для меня этот район тоже пока новая территория. Первое впечатление, которое он у меня вызвал, – будто лицо без макияжа, старые шрамы, своего рода комплексы… как чувство неполноценности. Знаете, как нечто такое, что яркий и блестящий мегаполис предпочел бы скрыть.

Как вы знаете, здесь самая дешевая аренда. При этом до

центра не так уж далеко. Главное, что хоть на метро, хоть на автобусе можно добраться куда угодно максимум за час. Для меня, как для дизайнера-фрилансера, это было вполне приемлемо: и с заказчиками иногда встретиться, и из дома работать – сойдет.

Так получилось, что жилье мне нужно было найти срочно, так что это вынужденный выбор, пришлось брать то, что было по карману. Поначалу душа не лежала, но, когда я сюда переехала, оказалось лучше, чем я думала. Нет, точнее будет сказать – не так уж плохо.

Здесь много кто живет один или вдвоем, поэтому рынок полностью под них подстроился: фрукты продают поштучно, в мясных лавках можно купить продуктов ровно на одну порцию. Район сформирован не ради комфортной среды – образования, транспорта или безопасности, – а исключительно ради экономии. По этой причине мне удалось понемногу к нему привыкнуть. Я в любом случае почти все время провожу дома, так что главным критерием было получить квартиру побольше за те же деньги.

Жаль только, что из-за дешевизны здесь собирается всякий сброд и район вечно мелькает в газетах или по телевизору. Конечно, не в разделах политики, экономики или культуры, а в сводках происшествий. Совсем недавно один местный сумасшедший выкинул такое, что потом в новостях крутили несколько дней подряд. Когда я сказала, что переезжаю сюда, родные советовали еще сто раз подумать.

По ночам за окнами слышатся пьяные крики, ругань, вой автомобильных гудков, от которого лопаются барабанные перепонки, и рев мопедов доставщиков, потому что они не ставят на моторы глушители; да и полицейские сирены здесь – обычное дело. Все будто бегут от собственной нищеты: кто на велосипедах, кто на мотоциклах, кто на машинах – все несутся на бешеной скорости. Но стоит раздаться визгу тормозов, как я тут же настораживаюсь и в голову лезут всякие дурные мысли.

Здесь часто видишь подростков, сбежавших из дома, или бедные парочки, для которых этот район стал первым общим гнездышком. Неподалеку находится промзона, так что иностранных рабочих у нас тоже много; судя по тому, что они ходят группами по три-четыре человека, некоторые квартиры явно используют как общежития.

На улицах то и дело собирается толпа, в центре которой полицейские в светоотражающих жилетах пытаются навести порядок. На дорогах вечно валяются рекламные листовки, окурки, коробки с недоеденной пиццей и горы использованной одноразовой посуды. Это район, где жиреют голуби, питающиеся человеческой рвотой.

* * *

Наш дом – обычная десятиэтажка, не больше и не меньше. Пусть здание довольно старое, но близость к метро сде-

лала его приемлемым вариантом для тех, кто только начинает самостоятельную жизнь. В этом районе большинство домов выглядят почти одинаково и буквально слеплены друг с другом, так что поначалу я несколько раз заблудилась. Уровень жизни у местных тоже примерно одинаковый. Уверена, если построить график доходов, то основная масса попадет в нижнюю границу среднего, где-то в диапазон тридцати-пятидесяти процентов. А если составить таблицу благосостояния, то здесь можно будет говорить о нижних десяти-тридцати процентах.

Риелтор тоже сразу все понял про мой бюджет и показывал только те дома, что мне по карману. Именно тогда я окончательно осознала свое положение в обществе. Это было даже унизительно. Из всех предложенных вариантов нынешняя квартира больше всего соответствовала моим условиям. Заметив, как с каждым просмотром я мрачнею, риелтор вдруг, словно делая одолжение и доставая припрятанный в рукаве козырь, показал мне это место.

На входе и на каждом этаже установлены камеры наблюдения, а совсем рядом расположено отделение полиции. Квартира оказалась чуть просторнее остальных, и аренда на нее ниже, так что особого выбора у меня не было. Я подписала контракт в тот же день.

Моя квартира находилась на третьем этаже в середине коридора. На каждом этаже по шесть дверей, пронумерованных по мере удаления от лифта. Слева от него шли триста

первая, триста вторая и триста третья, а напротив триста третьей – триста четвертая, триста пятая и триста шестая. Благодаря решению владельца здания первые три этажа были исключительно женскими, и это мне нравилось больше всего. К тому же я не смогла отказаться от заманчивого предложения: при оплате аренды за два года вперед полагалась скидка в двадцать процентов.

Как раз тогда у меня умер отец, оставив нам с братом в наследство сумму, благодаря которой каждому хватило бы на скромное жилье. Эти деньги пришлись очень кстати. После смерти отца-одиночки у меня остались только брат с невесткой и двое племянников. Мы жили впятером, и я планировала купить небольшую машину, но обстоятельства вынудили меня искать жилье: брат решил заняться бизнесом и продать наш общий дом. Вот почему я так спешила с переездом.

Квартира была полностью обставлена: рабочий стол, шкаф, газовая плита, холодильник и телевизор уже стояли на своих местах. Все свелось к тому, что я просто разложила собственные вещи по полкам. Я арендовала самый маленький грузовик, но вещей у меня накопилось совсем мало, так что даже он поехал полупустым. Помню, мне стало немного тоскливо от одной мысли: мало вещей – значит, и следов в жизни почти нет.

Мое новое жилье было в два раза больше прежнего. Самое лучшее – это отдельная спальня, то есть даже если готовишь на кухне, запахи не пропитают постель. Смущал только но-

мер квартиры. Я поселилась в триста второй, зажатая между триста первой и триста третьей, а для такого чувствительного к шуму человека, как я, это не лучшее расположение.

Только поспав здесь первую ночь, я поняла, почему хозяин здания так щедро раздавал скидки. Стоило открыть окно, как в комнату врывался грохот поездов; при закрытых же окнах была слышна каждая мелочь из жизни соседей. Каждый раз, когда мимо проносился состав, дом содрогался от вибрации. А по ночам до самого третьего этажа доходил сигаретный дым от компаний, которые собирались внизу.

* * *

Хм, соседка из триста первой, кажется, работает по ночам. Она накладывает густой старомодный макияж, словно пытаясь скрыть свой возраст. Даже мне становилось неловко, когда я видела ее в короткой юбке, едва прикрывавшей ягодицы, – и это в любое время года. Похоже, она любит черный цвет и кожу: я видела ее только в кожаной куртке, мини-юбках и темных колготках. Короткая стрижка каре, надо сказать, ей шла. А благодаря высоким каблукам с ее ростом около ста шестидесяти сантиметров она казалась гораздо выше, под сто семьдесят.

Ее едва заметный животик я списывала на недостаток физических нагрузок. Мне казалось, что эта небольшая полнота даже придает ей своего рода шарм. Сама я очень худая,

так что немного ей завидовала.

Меня вполне устраивало, что соседка возвращалась под утро и сразу ложилась спать, даже не заходя в душ. Возможно, на работе была душевая, и она мылась там. Ближе к вечеру за стеной слышалась суета: она собиралась на работу.

Мы часто сталкивались в коридоре, но ограничивались лишь вежливым приветствием. Странно, но из всех жильцов третьего этажа я чаще всего видела именно ее. Она иногда спрашивала: «Ну, как жизнь?» Или: «Как работа, ладится?» От ровесницы такие вопросы звучали странно, поэтому я всегда отвечала уклончиво. Несмотря на внешнюю вежливость, лицо ее оставалось безучастным. А взгляд… ее глаза излучали какую-то пугающую, тяжелую энергию. Один только этот взгляд лишал воли и заставлял все тело каменеть. Мне было неуютно, поэтому я старалась держать дистанцию и не вступать в долгие разговоры.

На прежнем месте мне досаждали слишком дружелюбные соседи. Постоянно то в дверь постучат, то фен одолжить попросят – мне это не нравилось. Куда комфортнее просто здороваться и проходить мимо. Тем более я не планировала задерживаться в этом районе надолго.

Будь мы соседями в другом месте, возможно, мы бы приветливо болтали при встрече. Но здесь действовал принцип «лишних слов не ронять».

У всех местных какие-то напряженные, злые лица: хмурые и неприветливые. Этот холод, которым веет от местной

молодежи, его не описать. Молодые здесь не смеются и не плачут, а на лицах стариков нет и тени спокойствия.

Все в общих чертах знали о жизни друг друга, но существовало негласное правило: никогда не нарушать границы. Не знаю, как это назвать – вежливостью, безразличием или просто жестокостью. Я сочла это своего рода кодексом тех, кто мечтает поскорее вырваться отсюда и «зажить по-человечески». И сама придерживалась этого правила, стараясь как можно быстрее покинуть это место. Воспринимала эту квартиру лишь как временную базу, где можно перевести дух и привести дела в порядок.

Разве те, кто живет в таких районах до зрелых лет, не лузеры? Я не хотела стать одной из них. Сама мысль об этом казалась жалкой и унизительной. Я не хотела коротать век в одиночестве и встретить смерть, о которой никто не узнает. «Одинокая смерть» – вот что это. Умереть в одиночестве. И никто не будет об этом знать. Пожалуй, самое страшное и печальное, что только бывает на свете. Поэтому я с остервенением сосредоточилась на работе. Ад был прямо у меня перед глазами. Жестокий опыт неудач бессознательно записывается в мозг, проникает в ДНК и передается из поколения в поколение.

Чтобы спастись от этого страха, я часто сбегала из реальности. Моя жизнь была до тошноты приземленной, поэтому я полюбила фэнтези. Я погружаюсь в приключения вымышленных персонажей, чтобы забыться. Наверное, так все и вы-

живают в этой удушающей действительности. Думаю, большинство соседей согласятся: здесь можно перекантоваться какое-то время, но остаться на всю жизнь – значит медленно задохнуться. К счастью, я была готова на эти два года превратиться в машину по зарабатыванию денег.

Когда я подписывала договор, хозяин сказал, что по всем вопросам нужно обращаться в триста шестую. Он дал мне номер телефона живущей там женщины и пояснил, что она отвечает за уборку и в целом за всем следит. Она была кем-то вроде старшей по дому.

Кажется, раз в день она убирала коридоры и лестницы с первого по десятый этаж и выполняла мелкие поручения владельца. Я решила, что она проживает здесь бесплатно в счет оплаты услуг, – но я в этом не уверена, просто как-то раз услышала ее разговор в коридоре. Она тогда очень злилась и перечисляла номера квартир, которые задолжали за аренду. Глядя на эту женщину лет пятидесяти с небольшим, я лишь пообещала себе работать еще усерднее.

На следующий день после моего переезда она постучала в дверь, чтобы познакомиться. Сказала, что живет в триста шестой, и попросила обращаться, если что-то понадобится. Я вскользь упомянула, что насадка для душа выглядит грязноватой. Она тут же принесла новую из подсобки и сама ее заменила. Закатала рукава и штанины, зашла в ванную – и через минуту все было готово. Чувствовалась рука человека, который делал это тысячу раз.

Но даже за те несколько минут, что она возилась с душем, соседка умудрилась вылить на меня целый поток слов. Ее руки меняли насадку, а рот не закрывался ни на секунду. Слушать ее было довольно тяжело.

Я старалась почти не отвечать, поскольку прекрасно понимала: стоит мне что-то сказать, и через нее по всему дому разлетятся самые нелепые слухи. Она то и дело расспрашивала о личном: чем занимаюсь, есть ли парень, как я здесь оказалась, сколько мне лет… Стоило мне уйти от ответа, как она тут же перескакивала на следующую тему.

В основном на брань в адрес других жильцов. Она жаловалась, что на мужских этажах – с четвертого по восьмой – вечно грязно в коридорах, а в какой-то там квартире живут двое парней – «поди, странные какие». Судя по псалмам, которые иногда доносились из ее квартиры, женщина была истово верующей, но при этом сыпала оскорблениями, полными предрассудков и злобы. В этом сочетании невежества и ненависти сквозило что-то сектантское, что-то по-настоящему отталкивающее.

Из ее слов я поняла, что в триста первой живет хоть и симпатичная, но невоспитанная девица; из триста третьей порой доносятся подозрительные стоны; в триста четвертой заперлась какая-то мрачная жируха; а в триста пятой и вовсе обитает чудовище, которое «разрисовало все тело татуировками и вбило в лицо железки». Выходило, что единственным нормальным человеком на всем третьем этаже была она сама.

Уверена, за моей спиной соседка поливала грязью и меня.

Я человек довольно чувствительный, поэтому терпеть не могу ни доставлять кому-то неудобства, ни испытывать их сама. Даже когда я мыла посуду, старалась делать это бесшумно, чтобы тарелки не гремели; если хотелось кашлянуть, зажимала рот полотенцем. Стирала я только тогда, когда в доме было меньше всего людей. Да и какая там стирка: полотенца, белье, домашние футболки – многое я застирывала вручную.

С физиологией было то же самое. Даже если мне хотелось выпустить газы, я аккуратно приподнималась на одном бедре, чтобы заглушить звук. А если что-то все же прорывалось, на лице само собой появлялось виноватое выражение… почему-то. И это в собственном-то доме!

Телефон, разумеется, всегда стоял на беззвучном режиме. Мелодии звонка, само собой, считались бы уже наглостью, но я не включала даже вибрацию. Здание старое, и вибровызов по полу передается соседям сбоку и снизу.

Только тогда я осознала, как много разных звуков издает человеческое тело. Необходимость постоянно подавлять свою естественную природу напоминала тюремное заключение. Пожалуй, лучшее слово для такой жизни – унижение. Когда ты вынужден контролировать даже свои биологические потребности, ты перестаешь чувствовать себя человеком. У меня была лишь одна причина терпеть все это – стоимость аренды. Безысходность. Знаете, в договорах варианты

всегда стоят денег. Мне пришлось стиснуть зубы и пахать в этой квартире, чтобы накопить на жилье получше. Это временная передышка, и другого пути нет.

Но если свои звуки я еще могла как-то подавлять, то чужой шум начал медленно сводить меня с ума. Поскольку я фрилансер и работаю над заказами дома, я почти никуда не выходила. Спустя какое-то время я выучила распорядок дня и привычки всех жильцов третьего этажа.

Кто во сколько уходит и приходит, на какое время ставит будильник и с какого раза просыпается, есть ли у кого парень, какой у кого характер и даже как у кого обстоят дела с сексом. Я узнала массу подробностей, о которых предпочла бы не знать. Даже их финансовое положение перестало быть для меня секретом: я видела их почту. Банковские уведомления о задолженностях, квитанции, неоплаченные счета… Вся эта ненужная информация копилась в моей голове, и это раздражало.

О жильце триста пятой квартиры я узнала от женщины из триста шестой. Пока мыла коридор, она десятки раз повторила мне историю о том, как видела мужчину в окровавленной одежде, который в панике выбежал из триста пятой. О подобных вещах даже слушать жутко. Человек, выбегающий из квартиры в окровавленной одежде, – это все-таки немного пугает. Именно тогда я окончательно осознала, в какой район попала. Да, это место точно нельзя назвать нормальным.

Спустя пару дней я сама столкнулась с соседкой из триста

пятой, и мне стало по-настоящему страшно. Обычно я поднимаюсь на третий этаж пешком, но в тот раз лифт стоял на первом, и я успела заскочить в закрывающиеся двери. Я собиралась честно придерживаться местного правила – просто кивнуть и отвернуться, – но мой взгляд оказался прикован к пирсингу на ее бровях и губах. В ушах поблескивал хром, и я насчитала шесть или семь сережек только на одном ухе.

На левой стороне шеи была вытатуирована голова кобры, а на другой – изображение человеческого глаза размером с бумажник. Когда у человека на шее есть глаз, ты просто не знаешь, куда смотреть. Я подумала: наверное, грудь, талию и бедра обвивают туловище и хвост этой кобры. Из-за стрижки андеркат, безразмерных штанов и кроссовок я поначалу приняла ее за парня, но по мягким чертам лица поняла, что это девушка. Плевать мне было на все правила – я просто не могла оторвать взгляд.

Заметив мое замешательство, она неловко улыбнулась и поздоровалась, и тут я увидела, что у нее проколот даже язык. Я замерла, переводя взгляд с татуировки на пирсинг. В тот момент я вдребезги разбила негласное правило этого дома. Соседка чуть улыбнулась и сказала: «Извините, что напугала. Я живу в триста пятой, торгую аксессуарами у метро». Она говорила очень вежливо и тихо. Это никак не совпадало с тем образом, который я уже успела нарисовать в своей голове.

Мне сразу стало стыдно за свои предубеждения. Когда де-

вушка из триста пятой заговорила, жестикулируя, в замкнутом пространстве лифта, я почувствовала аромат, который мне очень понравился. Это был не въевшийся запах табака, а что-то свежее и сладкое. Едва он коснулся кончика моего носа, уголки губ сами собой потянулись вверх.

Когда она узнала, что я соседка, то протянула мне визитку – мол, если надумаю что-нибудь купить, сделает скидку. Адреса на визитке не обнаружилось, только ссылка на блог. Чисто формальная вежливость: мы обе понимали, что я вряд ли к ней приду. По манере общения она напоминала застенчивого новичка-продажника, хотя выглядела как участница какой-нибудь андеграундной рок-группы.

Меня даже немного разозлило, что женщина из триста шестой назвала такого человека «чудовищем»! Но еще больше мне было стыдно за себя. За то, что я позволила чужим словам повлиять на мое мнение. Мне стало неловко, что я «скроила» образ человека по чужим меркам, толком его не зная. Я решила, что в следующий раз, когда мы встретимся, улыбнусь ей чуть теплее.

Но, пожалуй, самым необычным жильцом была соседка из триста третьей. Ее квартира находится прямо за моей стеной, в самом конце коридора. Я понятия не имею, кто и чем там занимался, но шум оттуда доносился постоянно. Пытаясь спастись от стресса, я работала в наушниках, слушая музыку, но с какого-то момента звуки стали передаваться через вибрацию. А такой шум неизбежно подстегивает воображе-

ние. Как и любые внезапные звуки, они заставляли меня рисовать в голове самые жуткие картины.

Это было что-то неритмичное: шлепки, шуршание, а затем тяжелый «бум» и раскатистый грохот. Что-то вроде «ш-ш», «ш-ш-ш», «бум, бу-бу-бу-бум». Иногда казалось, будто собака скребет когтями по стене. А когда раздавался глухой удар, словно падает что-то тяжелое, воображение тут же начинало играть со мной злые шутки. «Что это? Кто-то ударился головой об пол?» – гадала я и в тревоге ждала, повторится ли звук.

Стоило услышать обрывки телефонного разговора, я выдыхала: жива. Может, она постоянно переставляет мебель, чтобы сменить обстановку? Или пользуется какой-то трансформирующейся мебелью, где кровать совмещена со столом? Так или иначе, удары мебели об пол были обычным делом. Кажется, именно тогда я начала на слух угадывать, что там происходит. Стоило возникнуть звукам, как в голове автоматически, словно пазл, складывалась картинка.

Грохот становился все невыносимее. Порой меня посещала мысль: «Она что, издевается надо мной? Вообще за человека не считает?» Я пыталась спастись белым шумом: включала звуки прибоя, дождя или горного ручья, чтобы сосредоточиться на работе. Но стук за стеной усилился настолько, что на него уже начало реагировать само тело.

Я злилась на себя за то, что вздрагиваю от каждого шороха. Почему я должна дергаться из-за этих беспорядочных,

непредсказуемых звуков? Со временем мой уровень стресса зашкалил так, что, казалось, пробил потолок. Я всерьез начала думать: «А не издевается ли она надо мной намеренно?» Я не знала, в какой момент начнется очередная шумовая атака, и в итоге дошла до того, что была вынуждена пить снотворное, чтобы хоть как-то уснуть.

Сначала я связалась с владельцем здания и пожаловалась на невыносимый шум. Тот пообещал поговорить с жильцом триста третьей и сделать замечание. На один день все стихло. А потом началось снова.

Это повторялось несколько раз. Я перебирала варианты, как поступить: постучать самой и попросить тишины или придумать что-то другое. Еще чуть-чуть, и у меня случился бы нервный срыв. В конце концов я решила написать записку. Стараясь быть максимально вежливой, я попросила хотя бы немного снизить шум и приклеила листок на дверь. Помню, с какой осторожностью подбирала каждое слово.

«Здравствуйте. Я ваша соседка из 302-й квартиры. Мне очень жаль, что приходится обращаться к вам через записку, так и не познакомившись лично. Дело в том, что – и я понимаю, что виной тому прежде всего ветхость нашего дома, – из-за ударов, которые иногда слышны, я вздрагиваю и порой даже просыпаюсь по ночам. Звуки ударов об пол отчетливо отдаются в моей квартире. Возможно, вас не затруднит постелить на пол в гостиной коврик или мат? Если вы согласитесь, я готова взять на себя половину расходов.

Просто я провожу дома очень много времени, отсюда и чувствительность к шуму. Очень надеюсь на ваше понимание. Спасибо.

302-я»

И действительно, на какое-то время все стихло. Я даже почувствовала странный вкус победы оттого, что мой метод сработал. На какое-то время я и вовсе забыла о существовании соседки из триста третьей. Когда стресс от шума за стеной отступил, я ощутила искреннюю благодарность. Какая ирония: вещи, которые должны быть естественной нормой, стали для меня настоящим благом.

* * *

Мои дни тянулись один за другим, превращаясь в бесконечную рутину. Но как-то раз я впервые за две недели выбралась на встречу с заказчиками. А когда приехала обратно, на пешеходном переходе у дома столпились люди, возвращавшиеся с работы. Казалось, они лезут изо всех щелей, словно тараканы. И среди этой толпы я вдруг заметила женщину: она выглядела такой несчастной и потерянной, что я невольно засмотрелась. В ее глазах плескалось то отчаяние, которое бывает у матери, потерявшей ребенка, или у ребенка, внезапно лишившегося матери. Взгляд ее лихорадочно метался из стороны в сторону, она постоянно оглядывалась. Я видела ее отчетливо, хотя стояла на другой стороне улицы.

Незнакомка казалась изможденной и встревоженной, будто за ней кто-то гнался. И по-настоящему перепуганной. Эта тревога считывалась настолько явно, что на нее становилось неловко и в то же время страшно смотреть. Она напоминала человека с зависимостями в период ломки. На ней была мешковатая одежда, очевидно призванная скрыть лишний вес, правда, почему-то с огромным детским принтом, каким-то мультяшным персонажем. Женщина явно давно вышла из того возраста, когда носят вещи, купленные мамой, и выглядело это странновато.

В большом городе полно чудаков, поэтому я решила не обращать внимания. Но сейчас, оглядываясь назад, понимаю: она была гораздо страннее, чем казалось на первый взгляд. И я могу с полной уверенностью заявить, что совершенно точно ничего не искажаю в своих воспоминаниях.

Образ той затравленной женщины еще стоял у меня перед глазами, когда я столкнулась с ней на нашем третьем этаже. Оказалось, мы соседки. Она выглядела точно так же, как тогда на перекрестке: с изможденным выражением лица, словно бежала от преследования. Но на этот раз мое внимание привлекло то, что она прижимала к груди. В прозрачном полиэтиленовом пакете плавали яркие разноцветные декоративные рыбки. Она несла их так бережно, будто драгоценный фарфор.

Я попыталась встретиться с ней взглядом, чтобы поздороваться, но женщина из триста четвертой упорно смотрела

в сторону. Когда я первая произнесла «здравствуйте», она с трудом выговорила ответное приветствие, запинаясь и проглатывая окончания. Наши взгляды так и не пересеклись: она смотрела куда угодно, только не на меня.

Я нарочно не стала заходить сразу. Стоя у своей двери, сделала вид, будто ищу что-то в сумке. Женщина замялась, заметив, что я не ухожу, но затем, словно собравшись с духом, глубоко вздохнула и поспешила к своей квартире. Дверь она захлопнула с таким грохотом, что я невольно вздрогнула.

Именно тогда я окончательно уяснила: человек, который вечно хлопает дверью так, что весь этаж трясется, – это триста четвертая. Видимо, от постоянных ударов дверную коробку перекосило, и теперь каждое открытие сопровождалось пронзительным скрипом: «И-и-и-и-ик». Благодаря этому звуку я научилась безошибочно отличать, когда открывается дверь в триста третью, а когда в триста четвертую.

Есть и еще одна странность. На улице женщина из триста четвертой выглядела до предела измотанной и словно загнанной в угол, но стоило ей зайти в квартиру и заговорить с кем-то по телефону, как ее голос становился невероятно живым и звонким. Она прямо щебетала. До меня даже доносился смех. Я на мгновение засомневалась, не живет ли там кто-то еще.

Выражение лица еще можно попытаться скрыть, но эмоции, вплетенные в голос, не спрячешь, как ни тренируйся. Обычно голоса из триста четвертой, которая находится от

меня по диагонали, почти не долетают, но в тот день все слышалось очень отчетливо. Голос настолько не вязался с ее обликом на пешеходном переходе, что я едва не приняла ее за другого человека.

* * *

Месяца через три после моего переезда, как-то ранним вечером, в окно просочился легкий аппетитный аромат свежей сладкой выпечки. Вскоре я услышала, как открылась дверь триста третьей. Послышались короткие шаги, которые остановились прямо у порога триста четвертой. Раздался стук, и соседка из триста третьей спросила: «Хочешь капкейков?» Голос у нее звучал очень нежно, как будто она обращалась к маленькому ребенку. По одной только интонации я могла представить выражение ее лица в этот момент.

После недолгой паузы женщина из триста четвертой ответила так громко, что эхо разнеслось по всему коридору: «Ой, спасибо большое!» И как-то неестественно, натужно рассмеялась. Я даже вздрогнула от этого внезапного шума. А затем – снова это «и-и-и-и-ик» и грохот захлопнувшейся двери. У триста четвертой всегда была эта манера закрывать дверь особенно шумно. Я все гадала: неужели она не понимает, что мешает окружающим? Даже хотела как-нибудь при встрече сделать ей замечание, и в голове сразу всплывало объявление из лифта о том, что в коридорах нужно соблюдать тиши-

ну. Честно говоря, меня это изрядно раздражало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.